

Вильгельм Гауф

Приключения Саида

Харчевня в Шпессарте

Вильгельм Гауф

Приключения Саида

«Public Domain»

1827

Гауф В.

Приключения Саида / В. Гауф — «Public Domain»,
1827 — (Харчевня в Шпессарте)

«Во времена Гаруна аль-Рашида, повелителя Багдада, в Бальсоре жил один человек по имени Бенезар. Средств у него было как раз столько, чтобы можно было существовать покойно и с удобством, не ведя никаких дел или торговли. Даже когда у него родился сын, он не отступил от этого образа жизни. „К чему мне, в мои лета, еще барышничать и торговать? – говорил он своим соседям. – Чтобы после своей смерти оставить моему сыну Саиду, может быть, тысячью золотых больше, если дела пойдут хорошо, или, если дурно, тысячью меньше? „Где едят двое, будет сыт и третий“, говорит пословица. Лишь бы только со временем из него вышел славный малый, а нужды он ни в чем не будет терпеть“...»

Вильгельм Гауф

Приключения Саида

* * *

Во времена Гаруна аль-Рашида, повелителя Багдада, в Бальсоре жил один человек по имени Бенезар. Средств у него было как раз столько, чтобы можно было существовать покойно и с удобством, не ведя никаких дел или торговли. Даже когда у него родился сын, он не отступил от этого образа жизни. «К чему мне, в мои лета, еще барышничать и торговать? – говорил он своим соседям. – Чтобы после своей смерти оставить моему сыну Саиду, может быть, тысячью золотых больше, если дела пойдут хорошо, или, если дурно, тысячью меньше? „Где едят двое, будет сыт и третий“, говорит пословица. Лишь бы только со временем из него вышел славный малый, а нужды он ни в чем не будет терпеть».

Так говорил Бенезар, и он сдержал свое слово. Он не заставлял сына приучаться к торговле или к какому-нибудь ремеслу, зато не преминул читать с ним книги мудрости. Так как по его воззрению ничто так не красило молодого человека, кроме учености и почтения к старшим, как мужество и ловкость, то он рано стал обучать сына владеть оружием, и скоро Саид прослыл среди своих сверстников и даже старших по возрасту храбрым бойцом, а в верховой езде или плаванье никто не мог превзойти его.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, отец послал его в Мекку, чтобы в этом святом месте помолиться и исполнить религиозный обряд согласно требованию обычая и заповедей. Перед отъездом отец еще раз позвал его к себе, похвалил его поведение, дал добрые советы, снабдил деньгами и затем сказал:

– Еще кое-что, сын мой Саид! Я – человек, возвысившийся над предрассудками народа. Положим, я охотно слушаю, как рассказывают разные истории о феях и волшебницах, но только потому, что при этом время проходит незаметно; все же я слишком далек, чтобы верить, как это делают многие невежественные люди, в то, что эти духи, или кто бы они ни были, оказывают влияние на жизнь и деятельность людей. Но твоя мать, умершая двенадцать лет тому назад, верила в это так же твердо, как в Коран. И вот она в один прекрасный день, предварительно взяв с меня клятву никому, кроме сына, не открывать этого, поведала мне, что с самого своего рождения она состоит в сношениях с одной феей. Я посмеялся за это над ней, хотя должен сознаться, что при твоём рождении, Саид, происходили некоторые вещи, которые меня самого привели в изумление. Целый день шел дождь и гремел гром, а небо было так темно, что без огня ничего нельзя было прочесть. Около четырех часов пополудни мне сказали, что у меня родился мальчик. Я поспешил в комнаты твоей матери, чтобы взглянуть на своего первенца и благословить его, но все ее служанки стояли перед дверью и на мои расспросы отвечали, что теперь никто не может войти, так как Земира, твоя мать, велела всем выйти, желая остаться одной. Я постучал в дверь, но напрасно – она оставалась запертой.

В то время как я в нетерпении стоял среди служанок у двери, небо прояснилось, и так внезапно, как я еще никогда не видал. Удивительнее всего то, что только над нашим городом, Бальсорой, появилось чистое, голубое небесное пространство, а вокруг клубами лежали черные облака, и на этом фоне прорезывались блестящие молнии. Когда я с любопытством еще наблюдал это зрелище, дверь из комнаты моей жены распахнулась. Тогда я велел служанкам подождать снаружи еще немного, а сам один вошел в комнату, чтобы спросить твою мать, зачем она заперлась. Лишь только я вошел, меня охватил такой одуряющий запах роз, гвоздики и гиацинтов, что мне едва не сделалось дурно. Твоя мать поднесла тебя ко мне, в то же время

указывая на серебряный свисток, который висел у тебя на шее на тонкой как шелковинка золотой цепочке.

«Та добрая женщина, о которой я тебе как-то говорила, была здесь, – сказала твоя мать. – Она и принесла твоему мальчику этот подарок».

«То есть это была колдунья, которая сделала погоду великолепной и оставила этот запах роз и гвоздики, – сказал я, недоверчиво улыбаясь. – Только она могла бы подарить что-нибудь получше этого свистка: например кошелек, полный золота, лошадь или что-нибудь в этом роде».

Но твоя мать стала заклинать меня, чтобы я не насмехался, потому что фея в гневе легко может переменить свое благословение на немилость.

Я уступил ее желанию и замолчал, так как она была больна. Больше мы не говорили об этом странном происшествии в продолжение шести лет, пока она не почувствовала, что, несмотря на свою молодость, должна умереть. Тогда она взяла свисток и наказала мне отдать его тебе, когда тебе исполнится двадцать лет, а до этого времени я тебя не должен отпускать от себя ни на час. Она скончалась. Вот этот подарок, – прибавил Бенезар, вынимая из шкатулочки серебряный свисток на длинной золотой цепочке. – Я даю его, когда тебе еще не двадцать, а восемнадцать лет, потому что ты теперь уезжаешь и, быть может, когда вернешься домой, я уже переселюсь к праотцам. Я не вижу никакой серьезной причины, по которой ты должен оставаться здесь еще два года, как этого хотела твоя заботливая мать. Ты добрый и рассудительный малый, владеешь оружием так же хорошо, как другой двадцатичетырехлетний, и я свободно могу объявить тебя сегодня совершеннолетним, как если бы тебе уже было двадцать лет. А теперь отправляйся с миром, и в счастье и в несчастье – от чего да сохранит тебя небо! – помни о своем отце.

Так говорил Бенезар из Бальсоры, отпуская своего сына.

Взволнованный Саид простился с отцом. Надев на шею цепочку и сунув свисток за пояс, он вскочил на коня и поехал к тому месту, где собирался караван в Мекку. В непродолжительном времени собрались восемнадцать верблюдов и несколько сот всадников. Караван тронулся в путь, и Саид выехал из ворот своего родного города Бальсоры, который ему еще долгое время не суждено было увидеть.

Сначала его развлекала новизна такого путешествия и множество невиданных предметов, но когда начали приближаться к пустыне и окрестности становились безлюдны и однообразны, он начал раздумывать о многом и между прочим о тех словах, с которыми отпустил его Бенезар, его отец.

Он вынул свисток, осмотрел его и наконец сунул его в рот, думая испытать, даст ли он совершенно чистый и красивый звук; но что ж – он не свистел! Саид надувал щеки и старался изо всех сил, но не мог извлечь ни одного звука. Наконец, недовольный бесполезным подарком, он снова сунул свисток за пояс. Но в скором времени мысли о таинственных словах матери опять овладели им. Он много слышал о феях, но еще никогда не слышал, чтобы тот или иной сосед в Бальсоре состоял в каких-либо отношениях к сверхъестественному существу. Так как предания об этих духах всегда относят к очень отдаленным странам и давно прошедшим временам, то он и предполагал, что в настоящее время таких явлений больше не происходит и что феи перестали посещать людей и участвовать в их судьбе. Хотя и теперь он думал так же, однако снова и снова принимался доискиваться, что значило то таинственное и сверхъестественное, что произошло с его матерью. Это так захватывало его, что он почти целый день просидел на лошади как во сне, не участвуя ни в разговорах спутников, ни в их пении и шутках.

Саид был очень красивым юношей. У него был мужественный и смелый взор, полный прелести рот, и хотя он был молод, однако во всей его наружности было сознание собственного достоинства, что не так часто встречается в этом возрасте. Осанка, с которой он легко и в то же время уверенно сидел на лошади в полном воинском наряде, привлекала к нему взоры

путешественников. Он понравился одному старику, ехавшему рядом с ним, и тот стал разными вопросами испытывать его ум. Саид, у которого уважение к старости глубоко укоренилось, отвечал почтительно, но разумно и предусмотрительно, что доставило старику большое удовольствие. Но так как ум молодого человека весь этот день был занят одним только предметом, то естественно, что вскоре они перешли к таинственной области фей, и наконец Саид прямо спросил старика, верит ли он, что существуют феи, то есть добрые или злые духи, которые защищают или преследуют людей. Старик погладил свою бороду, покачал головой и сказал:

– Нельзя отрицать, что подобные истории происходили, хотя я до сих пор не видел ни духов-карликов, ни духов-великанов, ни волшебников и фей.

Затем он начал рассказывать и рассказал юноше столько удивительных происшествий, что у того стала кружиться голова. Теперь Саид только и думал, что все случившееся во время его рождения – изменение погоды, приятный аромат роз и гиацинтов, – все это есть предзнаменование более великого и более счастливого, что сам он находится под особым покровительством могущественной и доброй феи, что свисток подарен ему не для каких-нибудь пустяков, но чтобы в случае несчастья подать знак фее. Всю ночь ему грезилась замки, волшебные копи, духи и тому подобное, и он жил в настоящем царстве фей.

Но, к несчастью, уже на следующий день ему пришлось убедиться на опыте, как обманчивы были его грезы во сне и наяву. Караван уже большую часть дня шел вперед ровным шагом, и Саид все время держался около своего старика, когда в самом дальнем конце пустыни заметили темные тени. Одни считали их за холмы, другие – облаками, а третьи – новым караваном. Но старик, который совершил уже много путешествий, крикнул громким голосом, чтобы остерегались, потому что это приближается шайка разбойников арабов. Мужчины бросились к оружию, женщины и товары были помещены в середину, и все приготовились к нападению.

Темная масса медленно подвигалась по равнине. Она имела вид стаи аистов, когда они отправляются в далекие страны. Они быстро подходили ближе и ближе, и лишь только стало возможно различать людей и копыя, как они, подбежав с быстротой ветра, напали на караван.

Мужчины храбро защищались, но разбойников было более четырехсот человек. Они окружили караван со всех сторон и, убив многих издали, сделали затем натиск копьями. В это страшное мгновение Саиду, который все время отважно сражался в первых рядах, пришла в голову мысль о свистке. Быстро вынув его, он взял его в рот, дунул, – но с досадой сунул его обратно, потому что он не издал никакого звука. В ярости от этого ужасного разочарования он метнул копьё в грудь одному арабу, который выделялся своим великолепным одеянием. Тот пошатнулся и упал с лошади.

– Аллах! Что вы наделали, молодой человек! – воскликнул старик, находившийся рядом с ним. – Теперь мы все погибли!

Так и случилось. Когда разбойники увидели, что этот человек свалился, они подняли страшный вопль и напали с такой яростью, что немногие еще не израненные мужчины были скоро подавлены. В одно мгновение Саид увидел себя окруженным пятью или шестью. Но он так ловко владел копьём, что никто из них не решался приблизиться к нему.

Наконец один приостановился, положил стрелу на тетиву, прицелился и хотел уже спустить ее, как другой сделал ему знак. Молодой человек приготовился встретить новое нападение, но прежде чем успел опомниться, араб накинул ему на шею аркан, и как он ни старался разорвать веревку, все было напрасно: петля затягивалась все крепче и крепче. Саид был схвачен.

В конце концов, все путники были частью истреблены, частью захвачены в плен. Арабы, принадлежавшие не к одному племени, занялись дележом пленных и остальной добычи. Затем они двинулись в путь, одна часть на юг, другая – на восток. Возле Саида ехали четверо вооруженных людей. Они с непримиримой злобой то и дело посматривали на него, осыпая его проклятиями. Саид сообразил, что убитый им человек был важным лицом, быть может князем.

Рабство, ожидавшее Саида, было еще ужаснее смерти. Поэтому он считал для себя счастьем, что навлек на себя злобу всей шайки, предполагая, что по прибытии в их стан он будет убит. Воины следили за всеми его движениями, и как только он оглядывался, грозили ему копьями. Но однажды, когда лошадь одного из них споткнулась, он быстро обернул голову и, к своей радости, увидел старика, своего товарища по путешествию, которого он считал убитым.

Наконец вдали показались деревья и палатки. Когда подошли ближе, навстречу им устремилась целая толпа детей и женщин. Обменявшись с разбойниками несколькими словами, они стали издавать страшные вопли и все смотрели на Саида, грозя ему жестами и осыпая его проклятиями.

– Это тот, – кричали они, – кто сразил великого Альмансора, самого храброго из мужей! Пусть он умрет, его тело мы отдадим на растерзание шакалам пустыни!

И они с кусками дерева и комьями земли, со всем, что попало под руки, так свирепо накинулись на Саида, что должны были вмешаться разбойники.

– Прочь, молокососы, прочь, вы, женщины! – кричали они, копьями разгоняя скопище. – Он сразил великого Альмансора в бою и за это он умрет, но не от руки женщины, а от меча храброго!

Пробравшись между палатками на свободное место, они сделали остановку. Пленные были связаны попарно, а добыча отнесена в палатки. Саида же связали отдельно и отвели в большую палатку. Там в великолепной одежде сидел старик, серьезный и гордый вид которого изобличал в нем главу этой шайки. Люди, которые ввели Саида, стояли перед ним, печально поникнув головами.

– Вопль женщин говорит мне, что произошло, – сказал величественный человек, взглянув на ряды разбойников, – а ваши лица подтверждают это. Альмансор пал?

– Альмансор пал, – отвечали люди, – но, Селим, повелитель пустыни, вот его убийца. Мы привели его, чтобы ты свершил над ним свой суд. Какой смертью ему умереть? Расстрелять ли его издали стрелами, или прогнать сквозь строй копий, или тебе угодно, чтобы он был вздернут на веревке или растерзан лошадьми?

– Кто ты? – спросил Селим, угрюмо смотря на пленного, который был готов умереть, но стоял смело перед ним.

Саид отвечал на его вопрос кратко и откровенно.

– Не при помощи ли какого-либо коварства ты убил моего сына? Не сзади ли ты пронзил его стрелой или копьем?

– Нет, государь! – отвечал Саид. – Я убил его в открытом бою, при нападении на наши ряды, лицом к лицу, за то что он на моих глазах убил уже восемь моих товарищей.

– Так ли он говорит? – спросил Селим людей, схвативших Саида.

– Да, он убил Альмансора в открытом бою, – сказал один из спрошенных.

– В таком случае он поступил только так, как сделали бы мы сами, – сказал Селим. – Он сразился и убил своего врага, который хотел похитить у него свободу или жизнь, поэтому скорей развяжите его!

Разбойники с изумлением посмотрели на него и медленно, против собственной воли стали исполнять приказание.

– Так убийца твоего великого сына, бесстрашного Альмансора, не умрет? – спросил один, бросая на Саида яростные взгляды. – Лучше бы мы убили его тотчас же!

– Он не умрет! – воскликнул Селим. – Я беру его в свою собственную палатку, я беру его как принадлежащую мне по праву часть добычи. Этот человек будет моим слугой.

Саид не находил слов как благодарить старика. Мужчины с глухим ропотом оставили палатку. Когда они сообщили приговор старого Селима женщинам и детям, собравшимся снаружи в ожидании казни Саида, поднялся страшный вой и крик. Они вопили, что отомстят убийце за смерть Альмансора, если его собственный отец отказывается от кровавой мести.

Остальные пленные были поделены между членами шайки. Некоторые были отпущены с поручением собрать выкуп для более богатых, другие были приставлены к стадам пастухами, иные же, которые прежде имели для услуг по десятку рабов, должны были теперь исполнять в стане самые унижительные работы. Не то было с Саидом. Смелый ли и бесстрашный вид его или таинственные чары доброй феи, словом, что-то расположило старика в пользу юноши. Действительно, Саид жил в его палатке скорее как сын, нежели слуга. Но непостижимое расположение старика возбудило против Саида ненависть остальных слуг. Он повсюду встречал только враждебные взгляды, и если шел один по стану, то кругом него слышалась брань и проклятия. Несколько раз даже пролетали мимо его груди стрелы, которые, очевидно, предназначались для него, и если они не попадали, то это он приписывал исключительно свистку, который он постоянно носил на груди. Он часто жаловался Селиму на эти покушения на его жизнь, но последний напрасно старался обнаружить покушавшихся, так как, по-видимому, вся шайка вступила в соглашение относительно обласканного чужестранца.

И вот однажды Селим сказал ему:

– Я надеялся, что ты будешь мне вместо сына, убитого твоей рукой. Но ни ты, ни я не виноваты, что это не смогло осуществиться. Все возбуждено против тебя, и сам я уже не могу оберегать тебя в будущем, так как, в случае если тебя убьют здесь, что пользы тебе или мне, когда я привлеку виновного к ответственности? Поэтому, когда люди вернутся с набега, я скажу, что твой отец прислал мне выкуп, и прикажу нескольким верным людям проводить тебя через пустыню.

– Но разве могу я довериться кому-нибудь, кроме тебя? – сказал в смущении Саид. – Разве они не убьют меня по дороге?

– От этого тебя охранит клятва, которую они дадут мне и которой у нас еще никто не нарушал, – возразил совершенно спокойно Селим.

Через несколько дней люди вернулись, и Селим сдержал свое обещание. Подарив юноше оружие, одежду и лошадь, он собрал воинов, выбрал из них пятерых для сопровождения Саида и, заставив их дать страшную клятву, что они не убьют его, со слезами на глазах отпустил Саида.

Безмолвно и мрачно ехали по пустыне пять всадников и Саид. Юноша видел, как неохотно исполняют они поручение, и ему причиняло немало беспокойства то обстоятельство, что двое из них участвовали в том сражении, в котором он убил Альмансора. Когда проехали уже около восьми часов, Саид услышал, что они шепчутся между собой, и их лица сделались еще сумрачнее, чем раньше. Он насторожился, стал прислушиваться и услышал, что они говорят на языке, употребляемом только этой шайкой, и то лишь в самых тайных и опасных предприятнях. Селим, предполагавший сначала оставить у себя молодого человека навсегда, посвятил много времени, чтобы научить его этому таинственному языку. Но в том, что Саид услышал теперь, не было ничего утешительного.

– Вот это место, – говорил один, – здесь мы напали на караван, здесь храбрейший муж пал от руки мальчика.

– Ветер развеял следы его коня, – продолжал другой, – но я не забыл их.

– И, к нашему позору, тот, кто поднял на него руку, должен жить и быть свободным! Где это слыхано, чтобы отец не отомстил за смерть своего единственного сына! Но Селим стал очень стар и впал в детство.

– А если отец отказался, – сказал четвертый, – то долг воина отомстить за павшего друга. На этом самом месте мы должны убить его. Таковы право и обычай с древнейших времен.

– Но мы дали старику клятву! – воскликнул пятый. – Мы не должны убивать его, наша клятва не может быть нарушена.

– Да, это правда, – сказали другие, – мы поклялись, и убийца должен уйти из рук своих врагов.

– Стойте! – воскликнул один, самый угрюмый из них. – Конечно, старый Селим – умная голова, однако уж не так умен, как думают. Разве мы клялись ему доставить этого молодца в то или другое место? Нет, он взял с нас клятву только относительно его жизни, и мы пощадим ее. Но наше мщение возьмет на себя палящее солнце и острые зубы шакалов. Давайте свяжем его и положим на этом самом месте.

Так говорил разбойник, но уже несколькими минутами раньше Саид решился на последнее средство.

Еще не успел тот сказать последних слов, как он повернул лошадь в сторону, сильно ударил по ней и как птица полетел по равнине. На мгновение все пятеро изумленно остановились, но потом, как хорошо знакомые с такими преследованиями, разделились: одни пустились направо, другие – налево. Так как они знали лучше все правила искусства езды в пустыне, то двое из них скоро обогнали беглеца и повернули к нему навстречу. А когда он хотел ускользнуть в сторону, то встретил тут еще двух, а пятый был сзади. Клятва – не убивать его – удержала их пустить в ход оружие. Они снова накинули ему на шею аркан, стащили его с лошади и, немилосердно избив, связали по рукам и ногам и положили на раскаленном песке пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.